

ОКСАНА ХАЛИМАН

Национальный фармацевтический университет (Харьков)

РАЗВИТИЕ ИДЕЙ АЛЕКСАНДРА БОНДАРКО В АСПЕКТЕ ТЕОРИИ ГРАММАТИКИ ОЦЕНКИ

The development of Alexander Bondarko's ideas in the aspect of grammar of estimation theory

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: оценочное значение, грамматика оценки, прагматическая грамматика, функциональная грамматика, грамматика активного типа

KEYWORDS: estimation meaning, grammar of estimation, pragmatically grammar, functional grammar, grammar of active type

АБСТРАКТ: The study of the functional particularity of grammatical units allowed to pay attention to their pragmatic importance in the discursive practice and communication. Based on the principles of linguistic functionalism, which is a basis of active type grammar, it is necessary to continue the study of grammatical units as one of the means of expressing evaluation in relation to their structural peculiarities with the communicative process. A. Bondarko is one of the founders of functional grammar. In his works he has created a systemic-functional description on the Russian grammatical system. Principles of the development of a dynamic aspect of the grammatical units functioning in the interaction with elements of different language levels are one of the postulates which underlie in the description of the expression of evaluative meaning by grammatical units, the principles of grammar of estimation. The article enlightens the principles of the theory of functional grammar, grammar of active type, that concern the problem of creation of grammar of estimation as a complex description of grammatical means for expressing estimation meanings; A. Bondarko's ideas of functional grammar that are significant for the theory of grammar of estimation are described in the article.

Значимой составляющей когнитивной деятельности человека является оценивание различных фрагментов мира. Отражение событий окружающей среды в речи также совершается сквозь призму категории оценки. Оценочная семантика выражается средствами разных языковых уровней. По словам А. В. Бондарко, «одно и то же мыслительное содержание может находить разные способы языкового представления» (1978, 6), изучению которых посвящены многочисленные научные работы: Н. Арутюновой, Ю. Апресяна, Е. Вольф, А. Загнитко, И. Кононенко, Т. Космеды, Д. Рязанцевой, В. Телия, О. Халиман и др. Функционально-прагматическая направленность современных лингвистических исследований открыла возможности для изучения новых аспектов

категории оценки: изучение функциональной специфики грамматических единиц позволило обратить внимание на их прагматическую значимость в коммуникации. Опираясь на принципы лингвистического функционализма, которые являются основой грамматики активного типа, необходимо продолжить изучение грамматических единиц как средств выражения оценки в соотношении их структурных особенностей с коммуникативным процессом. Такие исследования мотивируют необходимость создания «грамматики оценки» – анализа системы грамматических средств выражения оценочных значений с учетом их прагматических характеристик (Космеда 2011).

Одним из основателей функциональной грамматики, как известно, является А. В. Бондарко, основатель Петербургской школы функциональной грамматики, создавший в своих многочисленных работах системно-функциональное описание русского грамматического строя¹. Принципы разработки динамического аспекта функционирования грамматических единиц во взаимодействии с элементами разных уровней языка – одни из постулатов, лежащих в основе описания выражения оценочного смысла грамматическими единицами, законов грамматики оценки.

Цель этой научной статьи – обосновать актуальность теоретической разработки грамматики оценки с использованием идей функциональной грамматики Бондарко (на материале монографии «Грамматическое значение и смысл» (1978)).

1. Грамматика оценки: актуальность комплексного описания грамматических средств выражения оценочных значений

Идеи функционализма находят свое воплощение во всех исследовательских направлениях современной лингвистики (см. об этом: Бацевич 1997): внимание к проблемам порождения речи и ориентация на приоритеты говорящего (Кубрякова 1991), интеграционный подход к фактам языка в аспекте активной грамматики (Апресян 1995; Баранов 1990; Шведова 1989 и др.), анализ фактов языка «от интенции к языковой форме реализации» (Кубрякова 1986; Слюсарева 1985 и др.) и др. Установка на динамику и приоритеты говорящего предусматривает изучение языковой системы и как средства общения, и как комплекс процедур по обработке, усвоению и порождению знаний (Баранов 1990; Звегинцев 1982).

Одним из основных понятий функциональной грамматики, как известно, является понятие функционально-семантического поля – системы

---

¹ В польском языкознании синтетическое представление теории функциональной грамматики Бондарко содержится в публикации: Kiklewicz 2004, 26ссл.

разноуровневых средств языка (морфологических, синтаксических, словообразовательных, лексических, фразеологических, лексико-синтаксических), основывающихся на общности функций. Современные ученые, поддерживающие идеи Бондарко, аргументируют представление комплекса единиц выражения оценки как функционально-семантического поля, что позволяет актуализировать именно функциональный подход к изучению оценочных средств. Функционально-семантическое поле оценки отличается отсутствием единого грамматического центра, поэтому, по мнению современных ученых, с которым мы целиком согласны, его правомерно считать полицентрическим полем, «опирающимся на некоторую совокупность разноуровневых языковых средств» (Бондарко 1987, 495).

Грамматика рассматривает общие принципы отражения в языковых формах опыта взаимодействия человека с миром, а эти принципы нельзя раскрыть без обращения к особенностям когнитивной деятельности человека. В современной лингвистике грамматику рассматривают как знаковую систему «репрезентации знаний, а каждая грамматическая категория соотносится с определенным существенным аспектом когнитивной обработки информации» (Кравченко 2001, 222). О правомерности этих утверждений свидетельствует процесс грамматикализации информации, в частности и прагматической, что является константным явлением речи.

В процессе языковой деятельности отношения между системой языка и типичными контекстами постепенно кодируются в языковую, в частности грамматическую структуру, грамматикализируются. Наблюдаем также закрепление оценочной семантики, оценочных функций за грамматическими единицами, вследствие чего оценка занимает свое место на шкале грамматичности. Изучая особенности выражения оценки грамматическими средствами, ученые пришли к выводу о необходимости полного описания так называемой «грамматики оценки», в рамках которой планируется всесторонний анализ грамматических средств выражения оценочных значений с учетом их прагматики (Лопатин 1992; Ремчукова 2000).

Сущность грамматики оценки в современном языкознании не представлена, однако отдельные лингвистические исследования косвенно касаются этой проблемы. Описывая основные проблемы прагматики, И. Сусов (2009) не останавливается на анализе прагматического аспекта функционирования грамматических единиц. Не представлены объяснения соответствующих терминов и в лингвистических словарях. Отдельные аспекты влияния коммуникативных факторов на функционирование грамматических средств в живой речи интерпретировал Ф. Бацевич (2010), частично рассматривая грамматические единицы как репрезентанты системы коммуникативных смыслов прагматического характера. Некоторых нюансов грамматики оценки касаются

языковеды, работающие в ракурсе функциональной грамматики, описывая особенности употребления грамматических форм в оценочных функциях.

Соответствующий шаг к созданию такого комплексного описания, спроектированного Т. Космедой (2011) в рамках теории аксиологической прагмалингвистики, – научные работы ее последователей на материале украинского языка: О. Халиман, описавшей грамматические значения рода, числа (Халиман 2011в), падежа (Халиман 2011б), некоторые грамматические значения глагола (Халиман 2011а) как средства выражения оценки, и Д. Рязанцевой (Рязанцева 2011), исследовательская проблема которой – грамматические категории прилагательного.

2. Грамматическая прагматика порождения оценочных смыслов, или исследовательский вектор: от грамматики пассивной к грамматике активной

Описание так называемой грамматики оценки имеет функциональные основы, прежде всего, она должна способствовать полной и всесторонней характеристике грамматических средств, выражающих оценку. Для этого необходимо раскрыть сложный диахронно-синхронический процесс порождения оценочных значений на уровне грамматики и сложную природу грамматичной прагматики – мотивацию роли грамматических средств, выражающих оценку, в речи. Это обеспечит формирование правил употребления грамматических единиц в оценочных функциях и трактовку закономерностей их адекватного толкования.

Прагматика грамматики, соответственно, и грамматика оценки, как было отмечено, базируется на лингвистическом функционализме, направленном на изучение намеренного использования говорящим грамматических единиц, являющимся основой грамматики активного типа, грамматики говорящего.

Необходимость разграничения активной и пассивной грамматики отмечал еще Л. Щерба (2004), при этом ученый аргументировал целесообразность исследования грамматических единиц, исходя из потребностей выражения мысли, ориентированной на активного участника общения, грамматики, способной продемонстрировать функциональный, вариативный, комбинаторный потенциал грамматических единиц, построив свое описание в направлении от функции к форме. Эти принципы находят воплощение и в теории функциональной грамматики, так как, по определению Бондарко, предметом этой грамматики является грамматический строй языка в системе его функций, причем принимается во внимание актуальность для говорящего перехода от смысла к средствам его выражения (Бондарко 1984).

Такой подход позволяет анализировать грамматические единицы на фоне коммуникативной и когнитивной функций языка. Описание их „поведения” в качестве средств выражения оценки дискурсивно ориентировано, поскольку лингвистические данные анализа соотносятся в нем с прагматическими аспектами, проявляющимися в речевой деятельности: в конкретных условиях общения первично не оценочные грамматические единицы обретают оценочное значение, речь интерпретирует природу языкового знака, по-новому кодируя мир, реальную действительность.

3. Механизмы порождения оценочных значений на основании актуализации вторичной функции грамматических единиц

Функциональный подход к исследованию языка позволяет описать механизмы появления оценки как вторичной функции грамматических единиц. Языковую креативность стимулирует асимметрия системы и среды, на первом плане появляются периферийные свойства системы и отдельных единиц. Как отмечает Бондарко, это – «сложный комплекс, в котором грамматическое значение формы под влиянием противоречащего ему контекста преобразовано в значение переносное, метафорическое» (Бондарко 1978, 83). Грамматическая метафора возникает как следствие перенесения грамматической формы из одного вида связей на другой. Ее возможности значительно беднее, чем метафоры лексической, поскольку словоформы ограничены в своей подвижности и сочетаемости, грамматическая образность выражается менее ярко, чем образность слов, поскольку грамматические значения отличаются своим обобщенным, абстрактным характером (Шелякин 2005).

Например, автором этой статьи были описаны (Халиман 2011в) способы возникновения механизмов языковой игры для выражения оценки в современном украинском языке. В их формировании принимают участие грамматические значения рода, что связано с реализацией в процессе коммуникации вторичной грамматической семантики. В частности, игра родовыми формами обуславливает грамматическую метафоризацию, способствующую переосмыслению понятий, связанных с грамматическим значением рода. В этом случае языковая игра возникает на основании транспонированного употребления родовых форм вследствие ситуативного несоответствия грамматического значения и обозначаемого денотата.

Использование форм женского рода для номинации лиц мужского пола порождает отрицательную оценку, что объясняется попыткой уравнивания мужчины с женщиной, чьи характерные черты в сознании носителей украинского языка (и не только), всегда связываются с актуализацией гендерных

ассоциаций, сформированных еще в древности, и воспринимаются как более отрицательные, чем мужские, ср.: *Ну-ну, не будь бабою! Вартуй, коли наказано!* (Я. Мамонтов); *Що це з Юрасем? Щоб мав все краще й краще ходити, то він з кожним днем гірше ходить. Скажи йому, що він “баба”* (М. Коцюбинський); *Та коли ж, – заторохтіли дівчата, – недурно ви його панною звете, жахається дівчат, як лякана дівка парубків* (А. Стороженко).

В процесс использования актуализированных в приведенных контекстах лексем *баба, панна*, служащих для номинации мужчины, из-за несоответствия обозначаемому денотату грамматическое значение рода метафоризируется, что, безусловно, связано с фактором исходной принадлежности к соответствующему полу. Вследствие такого несоответствия и усиливается проявление отрицательной оценки. Отметим, что большинство приведенных иллюстраций, это – фразы из речи мужчин, свидетельствующие о существовании некой аксиологической модели-архетипа в их языковом сознании. Такой механизм выражения оценки, безусловно, имеет архетипную гендерную основу, но даже с учетом изменения гендерных стереотипов все же прослеживается в речи носителей украинского языка как составляющая их языкового сознания, хотя активностью функционирования не отличается.

Однако не все грамматические значения отличаются такой способностью к метафоризации. Например, наши исследования категории падежа показали ограниченность падежных форм в возможностях выражения оценочных значений, что обусловлено спецификой категории: в отличие от парадигм, формы которых – носители сем, объединенные родовым категориальным значением, каждый падежный аффикс противопоставлен всем остальным только формально. К примеру, падежные формы существительного служат в украинском языке для выражения различных значений – каждая падежная форма является носителем сем, не интегрирующихся в единую категорию. Именно для падежа присуща последовательно выраженная по сравнению с другими морфологическими категориями имени существительного семантическая специализация, в связи с чем игра, манипуляция падежными формами, их транспозиция в сферу применений оппозиционных единиц практически невозможна, поскольку составляющие категории падежа и не образуют таких оппозиций. Поэтому появление оценочных значений в системе функционирования составляющих категории падежа возможно только путем создания неправильных падежных форм: *А поїдемо куме **на метрі** покатаємось? Кіна не буде. Бізнес розвалився. А хто ж стоїть за Юлькою? А за цією **мадамою** стоять торгоші, торгоші без роду-племіні...* (из Интернет-ресурсов) (Халиман 2011б).

В процессе модификаций лексического или грамматического значений вследствие метафоризации формируется прагматическая информация, возникают вторичные значения, в частности и оценочные. Прагматические значения не передаются особыми семами, в соответствующих условиях происходит

«игра сем», «игра смыслов» («аффективный компонент смысла текста – это информационный результат ‘игры’ конкретных языковых средств» (Бондарко 1978, 107)), в частности в результате различных приемов сочетания лексических и грамматических значений, их перераспределения, «актуализации одних сем с одновременной нейтрализацией других» (Космеда 2000, 187). Это реализуется в соответствии с требованиями конкретной сферы коммуникации, в зависимости от «динамики», «модуляций» которой по-разному проявляется прагматика высказывания.

Прагматическая ориентированность грамматических исследований предусматривает, что в центр внимания попадают грамматические единицы в действии, в совокупности разнообразия их функциональных вариантов: «Жизнь вмешалась в грамматические парадигмы и перестроила заложенные в них связи» (Арутюнова 1988, 8).

Как уже было отмечено, при функционировании грамматической формы в коммуникации проявляются новые признаки, частично устраняются прежние. Механизмы появления оценочных единиц стандартизируются, закрепляются в языковом сознании носителей языка, но, приобретая индивидуальные лексические наполнения, своеобразно проявляются в конкретных контекстах.

4. О единстве структурализма и функционализма в фокусе грамматики оценки

Граматику оценки (прагматику грамматики), имеющую функциональные основы, противопоставляют теории структурализма, но ее изучение не отрицает достижений структурной лингвистики. Важно объединить системный и функциональный подходы, дополняющие друг друга, что обеспечит толкование связи признаков и функций грамматических единиц, поскольку вторичные функции языковых единиц, возникающие в коммуникации, базируются на стандартных, устойчивых признаках системы. К тому же, как подчеркивает Бондарко, интеграция функций языковых единиц в коммуникации – «не есть простое их сложение, это именно взаимодействие функций отдельных элементов, дающее результат, несводимый к сумме отдельных функций» (Бондарко 1978, 83).

Также важным является постулат современной лингвистики об отказе от определения резких границ между грамматикой и лексикой. Исследование модификаций грамматической семантики, существующей в единстве с лексической, усложняется именно через лексическое влияние, поскольку семы лексические и грамматические разделить невозможно, а также через влияние других граммем и элементов конструкции («...нельзя считать оправданным

часто встречающееся в лингвистической литературе безоговорочное противопоставление грамматики и семантики» (Бондарко 1978, 81)). Бондарко подчеркивает, что

непосредственно же в речи (в процессе говорения – понимания и в готовом тексте) представлены процессы и результаты взаимодействия функций разных средств. Даже в максимально изолированных позициях, где мы, казалось бы, имеем дело с отдельным средством, в действительности уже налицо та или иная форма функционального взаимодействия (Бондарко 1978, 83).

С помощью грамматической формы в высказывании передается семантика, которую нельзя полностью приписать форме, поскольку в выражении этой семантики принимают участие другие языковые средства. Понятие «функция грамматической формы» предусматривает цели ее употребления, а это не исключает участия и других средств высказывания в достижении этих целей. Таким образом, исследования грамматических средств выражения оценки возможны посредством анализа специфики их участия в механизме появления оценочных коннотаций наряду с другими средствами вследствие их аппликации.

Например, при образовании окказиональных грамматических форм в украинском языке возможна одновременная манипуляция несколькими грамматическими средствами, сравн.: *Народе! Вреши спинимось. Ставати квазімодами. Ходімо прямоспинними, Щоб завжди бути гордими* (М. Савчук). В приведенном примере при образовании отонимной множественной формы *квазімодами* («обобщающая множественность» – игра грамматическим значением числа (Халиман 2011), употребление которой предусматривает объединение неоднородной множественности предметов, что способствует их деиндивидуализации и, соответственно, отрицательной оценке) нарушается еще один грамматический признак – несклоняемость, то есть в порождении оценки участвуют грамматические значения и числа, и падежа.

5. Актуализация фактора нарушения грамматических норм

Сознательное нарушение грамматических норм, «игра», «манипуляция» формами для достижения конкретных коммуникативных целей (выражение оценочных значений) (Космеда 2013) наблюдается как последовательно воспроизводимое явление; факт использования соответствующих грамматических механизмов в процессе построения речи коммуниканты, как правило, распознают и появившиеся смыслы толкуют правильно. Для успешной коммуникации, в частности манипуляции грамматическими смыслами, говорящие

должны обладать целой совокупностью соответствующих (известных всем) экстралингвистических знаний, поскольку при этом они оперируют определенными мыслительными понятиями и категориями, что происходит до того, как определяются необходимые грамматические средства для их языкового оформления. Происходит манипуляция соответствующими смыслами, являющимися составляющей частью когнитивной базы этноса, которые стереотипно их отражают.

Например, среди временных глагольных форм внимание привлекает употребление глаголов прошедшего времени в переносном значении: *Так я й повірив; Ой, злякався я; Так я й пішла за нього заміж; Та ну, боявся я її* (из разг. речи).

В процессе такого употребления временных форм основой для создания метафоры становится именно «транспозиция грамматической формы в новое синтаксическое окружение, в сферу применения другой формы той же системы оппозиций. Возникает контраст, необходимый для любой метафоры, контраст между семами основного значения перенесенной формы и значением контекста» (Шендельс 1972, 52). Происходит «спланированное» замещения форм для создания прагматического эффекта. Итак, контекстуальное окружение, в котором употребляется знак, активизирует его скрытые свойства; именно контекст определяет прагматический потенциал анализируемых грамматических единиц.

Ироническое положительное признание факта, названного формой прошедшего времени, предполагает отрицательную оценку действия, которое, как убежден говорящий, никогда не произойдет. Здесь имеет место косвенная коммуникация, смоделированная на основе действия иронической прагматики. Несоответствие формы и содержания таких конструкции обуславливает появление экспрессии, комической пренебрежительности, способствует выражению отрицательной оценки факта, о котором идет речь, напр.: – *П'ятдесят доларів! Ти де їх взяла? Украла? – зло запитала мама.*

– *Мені тітка дала, – тихо відповіла я.*

– *Тітка їй дала! Так я тобі й повірила* (из Интернет-ресурсов);

Дружина – чоловікові, який затримався на роботі:

– *Ну, і де ти був, любий? (ритуальний вступ, який означає банально: «Де ти шлявся, мерзотнику?»)*

Чоловік, навмисне повільно стягуючи правий черевинок (ну й черевики продають нині – так швидко знімаються, що виправдання не встигаєш придумати!):

– *Скільки разів тобі можна повторювати, що по середах у мене бізнес-тренінг!*

– *І як же ви там тренувалися, милий? (переклад: «Так я тобі й повірила, бовдуре! Які тренінги можуть бути у твоїй зубожілій фірмочці, та ще й о другій годині ночі? З охороною, чи що?»)* (из Интернет-ресурсов).

Приведенные примеры показывают, что грамматическая игра возникает вследствие манипуляции грамматическим значением времени, сознательного его употребления как оппозиционной временной формы на основе актуализации коммуникативного опыта говорящего. Нейтрализация грамматической семантики прошедшего времени способствует порождению прагматической оценочной информации.

Анализ механизмов появления оценки как вторичной функции грамматических единиц при их употреблении в конкретных контекстах демонстрирует восприятие коммуникантами именно вторичного смысла, что свидетельствует о закреплённости соответствующих механизмов выражения оценки в их речевом сознании. При таком употреблении грамматических единиц говорящий апеллирует как к коллективным экстралингвистическим знаниям, связанным с конкретной грамматической единицей, так и к закреплённым за ней закономерностям традиционного и переносного употреблений. Вторичный грамматический смысл, возникающий при транспозиции грамматических единиц, воспринимается как прецедентный – смысл, который актуализируется за счёт предыдущего подобного употребления, выступающего как прецедент.

Целесообразно аргументировать использование понятия «грамматическая прецедентность», когда грамматическая семантика, в частности вторичная, оценочная, используется говорящими как прецедентный смысл. Восприятие именно вторичной грамматической семантики как прецедентной, благодаря опыту использования грамматических единиц в оценочных функциях, основано на актуализации прагматической пресуппозиции, обеспечивающей понимание в коммуникации.

В работе Бондарко также находим мысль, подтверждающую высказанную точку зрения:

Полное владение языком во многом основано именно на автоматизированных (в известных пределах) процессах приведения в соответствие общего смыслового задания и привлекаемых языковых средств с их семантическими функциями (Бондарко 1978, 87).

В процессе общения говорящий «черпает готовые, отработанные языком значения, соотносённые с определёнными формальными средствами и их комбинациями», он «не только воспроизводит их, но и производит с их помощью бесчисленные новые комбинации смыслов» (Бондарко 1978, 84).

6. Актуализация экстралингвистических факторов для моделирования оценочных грамматических смыслов

Характеристика роли грамматики в отражении и фиксации эмпирического и когнитивного опыта носителя языка обеспечивает ее рассмотрение сквозь призму национально-языковой картины мира, что позволяет проследить статус формы не только в языковой системе, но и определить степень ее вхождения в национально-этническую память, маркированность грамматического значения определенным национально закрепленным содержанием. В системе языка, «в ее грамматическом порядке и лексиконе отражается то, как человек видит окружающий его реальный мир и свое место в нем» (Кравченко 2001, 10), то есть грамматика обладает таким же национальным „колоритом”, как и лексико-семантическая система.

Например, как показывает анализ, диминутивные глагольные формы могут служить средством выражения оценки, что как архетип языкового сознания украинского этноса реализуется и в современной речи, а также, что важно, является безэквивалентным явлением по сравнению с другими языками, ср.: *Спробуй мою доленьку **відгадатоньки**. Чи ще буде милий мій та й **кохатоньки**?* (М. Павленко); *Жити нам, **житоньки** треба* (М. Вороний). *Прощайте, мої гори, зелені мої верхи, – вже мені більше вами не **ходитоньки*** (Г. Хоткевич).

Также можно отметить особенности моделирования оценочных значений в украинском языке с помощью актуализации грамматического значения среднего рода. Проектируя форму среднего рода на лица мужского или женского полов, носители украинского языка приравнивает их к ребенку, таким способом выражая положительную оценку. Данную модель считаем национально специфической особенностью украинской речи (ср.: *Під калиною дівчина спала не встала: **утомилось молодеє, навіки спочило*** (Т. Шевченко)), что прослеживается при сравнении этой модели с подобными речевыми фактами русского языка, в котором подобное оценочное средство сохранилось только в диалектной речи.

В процессе исследования также важно учитывать актуальность и продуктивность механизмов выражения оценки с помощью грамматических единиц на конкретном этапе развития языка. И эту проблему затрагивает Бондарко:

То, что некогда обозначалось, лишается со временем своих языковых экспонентов; с другой стороны, особенности и различия, ранее вовсе не принимаемые в соображение, в более поздние эпохи развития того же языкового материала могут получить вполне определенные экспоненты (Бондарко 1978, 16).

Несмотря на исторические изменения соотносимых с грамматическими категориями стереотипов, одни механизмы выражения оценки, сохраняясь как архетипы в языковом сознании этноса, воспроизводятся в речи, хотя можно

наблюдать и некоторые изменения в использовании определенных механизмов, связанные, например, с социолингвистическими факторами.

Например, среди приемов использования существительных мужского рода в отношении лиц женского пола нами было исследовано употребление конструкций типа «хтось (имя сущ. муж. рода) *у спідниці*», рус. – «кто-то (имя сущ. муж. рода) *в юбке*, сравн.: **чоловік у спідниці, чорт у спідниці, Гітлер у спідниці** и др. В этом случае механизм моделирования оценки объясняется фактом сочетания существительного мужского рода и его атрибутивной характеристики «*у спідниці*», являющейся признаком лиц женского пола. Механизм объясняется неким «наслоением», аппликацией смыслов, определяющихся дихотомией *свой – чужой* («*у спідниці*» – чужое для мужчины), что и является основой метафорического переосмысления. Таким образом, носители языка могут приписывать женщине (лицу «*у спідниці*») «мужские» черты (признак лица – сущ. муж. рода) для моделирования соответствующих положительной (женщина с сильным («мужским») характером) или отрицательной («мужские» черты, свойственные женщине, воспринимаются как несовместимые с женственностью) типов оценки, что, безусловно, зависит от контекста. Наблюдаем модификацию видов оценочного значения, зависящую от наполненности инвариантной схемы.

Рассматриваемая конструкция, еще 10–20 лет тому назад отмеченная исследователями как непродуктивная (Космеда 2000, 296), в современной речи украинцев является достаточно актуальной: прослеживаем ее активное использование в речевом пространстве Интернет-сети, в частности автор этого исследования зафиксировала 15 вариантов подобных номинаций, использованных для представления образа-концепта Юлии Тимошенко: **генерал Перон у спіниці, диктатор у спідниці, Гітлер у спідниці, Ісус Христос у спідниці, полковник КДБ у спідниці, самурай у спідниці, Сталін у спідниці, Янукович у спідниці, термінатор у спідниці, монстр у спідниці, Черчілль у спідниці, полководець у спідниці, Уго Чавес у спідниці** и др. (из Интернет-ресурсов). Очевидно, это можно объяснить влиянием экстралингвистических факторов – появлением активного лидера, для характеристики которого, по мнению носителей языка, целесообразна именно такая речевая модель, чего могло и не быть при условии существования других внеязыковых особенностей.

Таким образом, комплексное описание грамматических средств выражения оценочных значений обеспечит выработку правил употребления грамматических единиц в оценочных функциях и трактовку закономерностей их толкования.

В перспективе планируем проанализировать все грамматические категории в данном направлении для создания целостной теории грамматики оценки. Грамматика оценки требует фиксации данных ее исследований в соответствующих словарях активного типа, закрепляющих прагматическую информацию, полезную для всех сфер речевого прогнозирования.

Библиография

- АПРЕСЯН, Ю. Д. (1995), Образ человека по данным языка: попытка системного описания. В: Вопросы языкознания. 1, 7–15.
- АРТУНОВА, Н. Д. (1988), Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. Москва.
- БАРАНОВ, А. Н. (1990), Лингвистическая теория аргументации (когнитивный подход). Москва [автореф. дис. докт. филол. наук].
- БАЦЕВИЧ, Ф. С./КОСМЕДА, Т. А. (1997), Очерки по функциональной лексикологии. Львов.
- БАЦЕВИЧ, Ф. С. (2010), Нариси з лінгвістичної прагматики. Львів.
- БОНДАРКО, А. В. (1978), Грамматическое значение и смысл. Ленинград.
- БОНДАРКО, А. В. (1984), О грамматике функционально-семантических полей. В: Известия АН СССР. Сер. литературы и языка. 43/6, 492–503.
- ЗВЕГИНЦЕВ, В. А. (2001), Язык и лингвистическая теория. Москва.
- КІКЛЕВИЦЗ, А. (2004), Podstawy składni funkcjonalnej. Olsztyn.
- КОСМЕДА, Т. (2000), Аксіологічні аспекти прагмалінгвістики: формування і розвиток категорії оцінки, Львів.
- КОСМЕДА, Т. А./ХАЛІМАН, О. В. (2011), „Грамматика оцінки” як актуальна проблема сучасного мовознавства. В: Загнітко А. (ред.), Лінгвістичні студії. 22, 36–40.
- КОСМЕДА, Т. А./ХАЛІМАН, О. В. (2013), Мовна гра в парадигмі інтерпретативної лінгвістики. Грамматика оцінки. Грамматична іграма (теоретичне осмислення дискурсивної практики). Дрогобич.
- КРАВЧЕНКО, А. В. (2001), Знак, значение, знание. Очерк когнитивной философии языка. Иркутск.
- КУБРЯКОВА, Е. С. (1986), Номинативный аспект речевой деятельности. Москва.
- КУБРЯКОВА, Е. С. (1991), Человеческий фактор в языке. Язык и порождение речи. Москва.
- ЛОПАТИН, В. В. (1992), Оценка как объект грамматики. В: Русский язык: проблемы грамматической семантики и оценочные факторы в языке: Виноградовские чтения. Москва, 70–75.
- РЕМЧУКОВА, Е. Н. (2000), Морфологическая транспозиция как тип функционального варьирования грамматической формы. В: Проблемы функциональной грамматики: категории морфологии и синтаксиса в высказывании. Санкт-Петербург, 79–90.
- РЯЗАНЦЕВА, Д. В. (2011), Ступені порівняння прикметників як ефективний засіб створення граматичного значення оцінки (на матеріалі сучасної української публіцистики). В: Вісник Дніпроп. ун-ту. Сер. Мовознавство. 11/17/2, 155–161.
- СПЛОСАРЕВА, Н. А. (1985), Функциональная грамматика и когнитивная морфология. В: Проблемы функциональной грамматики. Москва.
- СУСОВ, И. П. (2009), Лингвистическая прагматика. Винница.
- ХАЛІМАН, О. (2011а), Грамматичне значення минулого часу як засіб вираження оцінки в художньому стилі. В: Лисиченко, Л. А. (ред.), Лінгвістичні дослідження. Харків, 80–85.
- ХАЛІМАН, О. В. (2011б), Категорія відмінка в аспекті аксіологічної прагмалінгвістики (на матеріалі російської та української мов). В: Філологічні студії. 6/2, 111–118.
- ХАЛІМАН, О. В. (2011в), Морфологічні засоби вираження категорії оцінки в сучасній українській мові: рід і число. Харків [автореф. дис. канд. філол. наук].
- ХАЛІМАН, О. (2014), Грамматика оценки: диминутивные глагольные формы как средства выражения оценочных значений в современном украинском языке. В: Веснік Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы. Серыя 3: Філалогія. Педагогіка. Псіхалогія. 1/171, 43–48.
- ШВЕДОВА, Н. Ю. (1989), Русские бытийные глаголы и их субъекты. В: Слово и грамматические законы зыка: Глагол. Москва, 5–175.
- ШЕЛЯКИН, М. А. (2005), Язык и человек: К проблеме мотивированности языковой системы. Москва.
- ШЕНДЕЛЬС, Е. И. (1972), Грамматическая метафора. В: Филологические науки. 3, 48–57.
- ЩЕРБА Л. В. (2004), Языковая система и речевая деятельность. Москва.